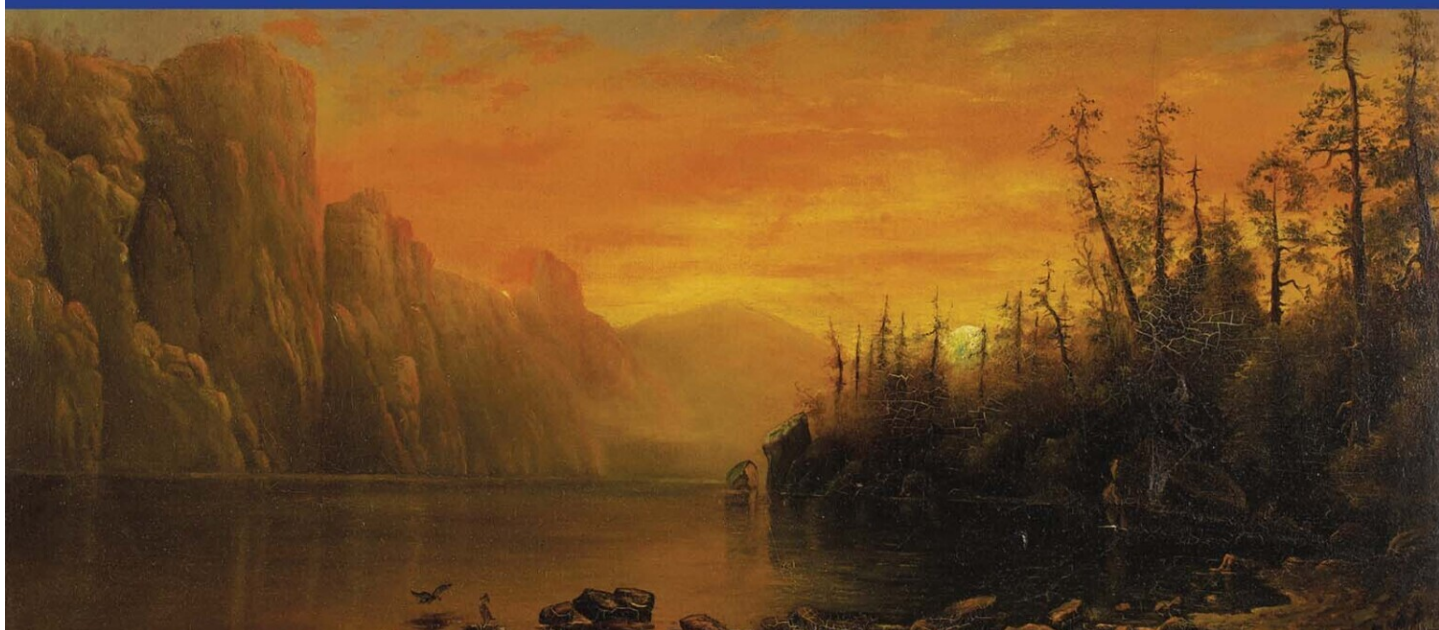

Джек Лондон

Смок Беллью. Смок и Малыш
(сборник)

ФТМ

Зарубежная классика (АСТ)

Джек Лондон

**Смок Беллью. Смок
и Малыш (сборник)**

«ФТМ»

1912

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

Лондон Д.

Смок Беллью. Смок и Малыш (сборник) / Д. Лондон — «ФТМ»,
1912 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-075074-0

Аляска. Земля Белого безмолвия, собачьих упряжек, золотых приисков
Клондайк и состояний, которые легко наживаются и столь же легко теряются.
Земля, где приключения – порой веселые, но чаще смертельно опасные –
давно уже стали обычной повседневной реальностью. Именно там происходит
действие превосходных, увлекательных циклов рассказов Джека Лондона
«Смок Беллью» и «Смок и Малыш», главным героем которых является
выходец из богатой аристократической семьи, отправившийся на Север в
поисках приключений и ставший одним из самых лихих парней Аляски...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-075074-0

© Лондон Д., 1912

© ФТМ, 1912

Содержание

Смок Беллью	6
Вкус мяса	6
I	6
II	10
III	12
IV	14
V	15
VI	17
VII	17
VIII	18
Мясо	20
I	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джек Лондон

Смок Беллью. Смок и Малыш (сборник)

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2011

© Перевод. Л. и Н. Чуковские, наследники, 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

Смок Беллью

Вкус мяса

I

Сначала он был Кристофер Беллью. В колледже он превратился в Криса Беллью. Позже, в кругах сан-францисской богемы, его прозвали Кит Беллью. А в конце концов он стал Смок Беллью, и иначе его уже не называли. История превращений его имени была историей его собственных превращений. Не будь у него любящей матери и железного дяди и не получи он письма от Джиллета Беллами – ничего бы не случилось.

«Я только что просмотрел номер «Волны», – писал Джиллет из Парижа. – Не сомневаюсь, что дело у О’Хара пойдет. Однако он еще не знает всех тонкостей ремесла. (Следовали советы, как улучшить молодой великосветский еженедельник.) Сходи в редакцию и поговори с О’Хара. Пусть он думает, что это твои собственные соображения, не поминай меня. А то он сделает меня своим парижским корреспондентом; мне же это очень невыгодно, потому что я сотрудничаю в больших журналах, где по крайней мере деньги платят. Прежде всего внуши ему, чтобы он выгнал болвана, который дает ему критические заметки о живописи и о музыке. Кроме того, в Сан-Франциско всегда была своя литература, а теперь нет никакой. Скажи О’Хара, пусть постарается найти осла, который согласится регулярно поставлять для «Волны» серию рассказов – романтических, ярких, полных настоящего сан-францисского колорита».

Кит Беллью отправился в редакцию «Волны», чтобы честно выполнить все советы Джиллета. О’Хара выслушал. О’Хара стал спорить. О’Хара согласился. О’Хара выгнал болвана критика. А затем О’Хара проявил свой характер, тот самый, которого так боялся Джиллет, сидя в далеком Париже. Когда О’Хара чего-нибудь хотел, ни один приятель не мог ему отказать. Он был ласково и неотразимо настойчив. Кит Беллью, прежде чем успел вырваться из редакции, стал помощником редактора, дал согласие поставлять несколько столбцов рецензий, пока не найдется кто-нибудь взамен, связал себя обещанием давать в каждый номер рассказы по десять тысяч слов из жизни Сан-Франциско – и все это совершенно бесплатно. «Волна» еще не имеет возможности платить, объяснил О’Хара и с не меньшей настойчивостью заявил, что во всем Сан-Франциско есть только один человек, который способен написать такую серию рассказов, и этот единственный человек – Кит Беллью.

– А ведь ослом-то оказался я! – стонал Кит, спускаясь по узкой лестнице.

Так начал он работать на О’Хара и на ненасытные столбцы «Волны». Неделю за неделей просиживал он в редакционном кресле, выпроваживал кредиторов, ссорился с наборщиками и при всем том умудрялся выжимать из себя для каждого номера по двадцать тысяч слов. Облегчения не предвиделось. «Волна» была честолюбива. Честолюбие заставляло ее выходить с иллюстрациями. Иллюстрации стоили дорого. Денег не хватало ни на уплату Киту Беллью, ни на привлечение новых сотрудников.

– Вот что значит быть добрым малым, – проворчал однажды Кит.

– Побольше бы таких! – со слезами на глазах воскликнул О’Хара, пылко пожимая руку Кита. – Ты мой спаситель, Кит. Только благодаря тебе я не прогорел. Еще немного, милый друг, и все наладится!

– Не верю, – уныло проговорил Кит. – Мне ясна моя судьба. Я обречен торчать здесь вечно.

Через несколько времени Кит придумал выход. Выбрав удобный момент, он в присутствии О'Хара потерял сознание и повалился в первое попавшееся кресло. Немного погодя он тяжело рухнул всем телом на письменный стол и судорожным движением рук опрокинул горшочек с клейстером.

– Поздно лег вчера? – осведомился О'Хара.

Кит старательно протер глаза и, прежде чем ответить, долго с недоумением оглядывался по сторонам.

– О нет, не в том дело. Глаза! Они словно выскакивают из головы.

С тех пор Кит каждый день наткался на стены и опрокидывал редакционную мебель. Но сердце О'Хара не смягчилось.

– Вот что, Кит, – сказал он однажды. – Тебе необходимо показаться главному врачу. Пойди к Хасдэплу. Шикарный доктор. Платить тебе не придется: мы напечатаем его объявление. Я с ним сам поговорю.

О'Хара сдержал слово, и Киту волей-неволей пришлось отправиться к врачу.

После длительного осмотра врач вынес такой приговор:

– Совершенно здоровые глаза! Исключительное зрение, замечательное. Таких глаз одна пара на миллион людей.

– Не говорите этого О'Хара! – взмолился Кит. – И пропишите мне, пожалуйста, темные очки.

Единственным результатом этой проделки было то, что О'Хара все время выражал Киту свое сочувствие и тотчас же восторженно заговаривал о прекрасном будущем, которое ждет их, когда «Волна» прочно станет на ноги.

К счастью, у Кита были средства. Сравнительно скромные, они все-таки давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в Латинском квартале. С тех пор как он сделался помощником редактора «Волны», его личные расходы значительно сократились. У него не было времени тратить деньги. Мастерскую он забросил и больше не угощал местную богему своими знаменитыми ужинами, состряпанными на жаровне. И все-таки у него вечно не было наличных денег. Незадачливая «Волна» дочиста опустошала не только его мозг, но и карманы. Иллюстраторы время от времени отказывались иллюстрировать, наборщики время от времени отказывались набирать, мальчишка-рассылный время от времени требовал расчет. Взглянет в такую минуту О'Хара на Кита – и Кит заплатит все.

Когда пароход «Эксельсиор», прибывший из Аляски, всполошил всю страну известием о клондайкской золотой лихорадке, Кит осмелился сделать О'Хара следующее легкомысленное предложение.

– Послушай, О'Хара, – сказал он. – Золотая лихорадка будет расти. Повторятся дни сорок девятого года. Отпусти меня в Клондайк – корреспондентом от «Волны»! Я поеду на свой счет.

О'Хара покачал головой:

– Мне без тебя не обойтись в редакции, Кит. Серия рассказов еще не закончена. Да, кроме того, я только что беседовал с Джексонем. Завтра он уезжает в Клондайк и согласился еженедельно присылать нам письма и снимки. Без этого я не отпустил бы его. И как удачно, что мы все получим совершенно бесплатно.

Вечером Киту удалось вырваться в клуб. Встретив в клубной читальне своего дядю, он снова услышал о Клондайке.

– Здравствуй, дядя! – воскликнул Кит, погружаясь в кожаное кресло и вытягивая ноги. – Присаживайся!

Кит заказал коктейль, а дядюшка удовлетворился местным водянистым красным вином, которое было его излюбленным напитком. Он неодобрительно глянул на бокал с коктейлем, потом перевел взгляд на лицо племянника. Кит почувствовал, что ему не миновать нахлобучки.

– Я тороплюсь, – поспешил он объяснить. – Мне надо еще успеть в галерею Эллери, на выставку Кейта, и накатать о ней по крайней мере полстолбца.

– Что с тобой? – спросил дядя. – Ты бледен. На тебе лица нет.

Кит вздохнул.

– Кажется, скоро я буду иметь удовольствие похоронить тебя, – продолжал дядя.

Кит уныло покачал головой:

– Не хочу беспокоить червей! Предпочитаю крематорий.

Джон Беллью принадлежал к тому старому, закаленному племени, которое в пятидесяти годах переправилось через прерию в повозках, запряженных волами. К суровому закалу, унаследованному им от предков, прибавился закал трудного, тревожного детства, прошедшего в пору освоения новой земли.

– Ты живешь не так, как надо, Кристофер. Мне стыдно за тебя.

– Мот и кутила, не так ли? – рассмеялся Кит.

Дядя пожал плечами.

– Не гляди на меня так уничтожающе, дядюшка, – сказал Кит. – Кутежи – вещь неплохая, но, к сожалению, ты ошибаешься. Я давно перестал кутить: у меня нет времени.

– В чем же дело?

– Работа замучила.

Джон Беллью расхохотался.

– Право?

Он опять рассмеялся.

– Человек – порождение окружающей среды, – изрек Кит, указывая на дядюшкин стакан. – Смех твой горек и жидок, как вино в твоём стакане.

– Работа замучила! – язвительно повторил дядюшка. – Да ты не заработал ни одного цента за всю свою жизнь.

– Нет, заработал, но не получил. Я зарабатываю пятьсот долларов в неделю и работаю за четверых.

– Картины, которых никто никогда не купит? Модные пустячки, безделушки... Плавать умеешь?

– Когда-то умел.

– А ездить верхом?

– Пробовал и это.

Джон Беллью негодуя фыркнул.

– Я счастлив, что твой отец в могиле и не видит тебя во всем твоём бесстыдстве. Твой отец был с ног до головы мужчина, понимаешь? Настоящий мужчина! Он выбил бы из тебя всю твою музыкальную и рисовальную дурь!

– Что делать! Таков наш упадочный век! – вздохнул Кит.

– Если б был какой-нибудь толк ото всех твоих искусств, – сердито продолжал дядя, – ну, это я еще понимаю, это я еще мог бы стерпеть. Но ты за всю свою жизнь не заработал ни цента и не знаешь настоящего труда мужчины!

– Гравюры, картины, всеера... – перечислил Кит.

– Ты пачкун и неудачник. Какие ты картины написал? Несколько мутных акварелей и кошмарных плакатов. И ни разу ничего не выставил, даже здесь, в Сан-Франциско.

– Одна моя картина висит в зале этого клуба.

– Мазня! А музыка? Твоя милая, но бестолковая мама тратила сотни на то, чтобы обучить тебя музыке. Но ты и тут осрамился. Ты даже пяти долларов не заработал, ну, хотя бы аккомпанируя кому-нибудь на концерте. Песенки твои? Дребедень, которую никто не печатает и никто не поет, кроме бездельников, прикидывающихся богемой.

– Я выпустил книжку. Помнишь, томик сонетов? – робко возразил Кит.

- Во сколько он тебе обошелся?
- Сотни в две долларов, не больше.
- А еще у тебя какие заслуги?
- Одна моя пьеска ставилась как-то на открытой эстраде.
- И что ты получил за нее?
- Славу.

– А ведь ты когда-то умел плавать и пытался ездить верхом! – гневно воскликнул Джон Беллью, опуская бокал на стол с совершенно излишней стремительностью. – Скажи, ну куда ты годишься? Денег на твое воспитание не жалели, но даже в университете ты не играл в футбол. Ты не умеешь грести. Ты не умеешь...

- Я занимался фехтованием и боксом. Немного.
- Когда ты тренировался в последний раз?
- Да после университета забросил; считалось, что я прекрасно рассчитываю расстояние

и время, но только...

- Продолжай.
- Меня называли свободным художником.
- Скажи прямо: лентяем.
- Да, это примерно то же самое – в деликатной форме.
- Мой отец, сэр, а ваш дед, старый Исаак Беллью, одним ударом кулака убил человека,

когда ему было шестьдесят девять лет.

- Кому было шестьдесят девять лет? Убитому?
- Нет, деду твоему, никчемный ты бездельник! Ты в шестьдесят девять лет не сможешь убить и комара.

– Времена переменялись, дядюшка. В наше время за убийство сажают в тюрьму.

– Твой отец проскакал однажды сто восемьдесят пять миль без отдыха и насмерть загнал трех лошадей.

- Живи он в наши дни, он благополучно храпел бы всю дорогу в купе спального вагона. Дядя чуть было не вышел из себя, но сдержал гнев и спокойно спросил:

– Сколько тебе лет?

– Да как будто бы мне...

– Знаю, двадцать семь. Двадцати двух лет ты окончил колледж. Мазал, бренчал, строчил и болтался без дела пять лет. Так скажи мне, ради Бога, куда ты годишься? В твои годы у меня была одна-единственная смена белья. Я пас стада в Колузе. Я был крепок, как камень, и мог спать на голом камне. Я питался вяленой говядиной и медвежьим мясом. Зато я гораздо крепче тебя. Ты весишь около ста шестидесяти пяти фунтов, а я хоть сейчас могу положить тебя на обе лопатки и намять тебе бока.

– Для того чтобы опорожнить стакан коктейля или жидкого чая, не нужно быть силачом, – примирительно пробормотал Кит. – Неужели ты не понимаешь, дядюшка, что времена переменялись? И кроме того, меня неправильно воспитывали. Моя милая бестолковая мама...

Дядю передернуло.

– ...судя по твоим рассказам, слишком меня баловала: держала в вате и так далее. А если бы я мальчишкой принимал участие в тех достойных мужчины забавах, за которые ты так ратуешь, я был бы теперь другим человеком. Скажи, почему ты никогда не брал меня с собой? Холл и Робби ездили с тобой и на Сьерры и в Мексику...

– Я считал тебя недотрогой и неженкой.

– Сам виноват, дядюшка, – ты и моя милая – гм – мама. Как я мог закалиться? Ведь меня считали недотрогой и неженкой. Что же мне оставалось, кроме гравюр, картинок да вееров? Моя ли вина, что мне никогда не приходилось добывать себе хлеб в поте лица своего?

Старик с нескрываемым негодованием смотрел на племянника. Это легкомыслие и дряблость выводили его из себя.

– Я снова собираюсь отправиться в путешествие, достойное мужчины, как ты выразился. Приглашаю тебя.

– Запоздалое приглашение... Куда?

– Холл и Роберт отправляются в Клондайк. Я провожу их через перевал и спущусь с ними к озерам. Потом обратно.

Кит не дал ему договорить. Он вскочил со стула и схватил дядю за руку.

– Спаситель мой! – воскликнул он.

Джон Беллью недоверчиво насторожился. Он не ожидал, что его приглашение будет принято.

– А ты не шутишь? – спросил он.

– Когда мы отправляемся?

– Это очень трудное путешествие. Ты будешь нам обузой.

– Нет! Я буду все делать! «Волна» научила меня работать...

– Каждый должен взять с собой запасов на целый год. Народу будет такое множество, что индейцев-носильщиков не хватит на всех. Холлу и Роберту придется самим тащить свои припасы. Я затем и отправляюсь с ними, чтобы помочь им. Тебе придется тащить на спине столько же, сколько им.

– Испытай меня.

– Ты не умеешь носить тяжести.

– Когда мы отправляемся?

– Завтра.

– Пожалуйста, не воображай, дядюшка, что меня наставила на путь истинный твоя проповедь о пользе закалки, – сказал Кит, прощаясь. – Мне необходимо уехать из этого города, от О'Хара – куда угодно, лишь бы подальше.

– Кто такой этот О'Хара? Японец?

– Нет, он ирландец, рабовладелец и мой лучший друг. Он редактор и издатель и вообще главная шишка в «Волне». Он делает там все, что захочет.

Вечером Кит Беллью настроил О'Хара записку.

«Уезжаю всего лишь на несколько недель, – писал он. – Найми какого-нибудь чудака, пусть dokonчит за меня последний рассказ. Прошу прощения, милый друг, но этого требует мое здоровье. Вернусь и налягу на работу с двойным усердием».

II

Через несколько дней Кит Беллью высадился на обезумевший берег Дайи, заваленный тысячепудовым багажом многих тысяч людей. Груды снаряжения и продовольствия выбрасывались на берег с пароходов и медленно просачивались с берега в Дайскую долину и через Чилкут. Путешественникам предстояло двадцать восемь миль тащить свои пожитки на себе. Индейцы-носильщики, взвинтившие цены за переноску багажа с восьми центов за фунт до сорока, не справлялись с работой. Их не хватало, и всем было ясно, что большинство путешественников не успеет перебраться через перевал до наступления зимы.

Самым неприспособленным из новичков был Кит. У него, как и у многих, на поясе висел патронташ и болтался большой револьвер. Этот револьвер навязал ему, между прочим, дядюшка, помнивший былые незаконные годы. Но Кит романтически воспринимал окружающее. Его пленяла пестрота людского потока, устремившегося за золотом, и он смотрел на все глазами художника. Он ничего не принимал всерьез. Еще на пароходе он заявил, что не соби-

рается относиться к путешествию, как к собственным похоронам. Ведь это просто каникулы. Заглянуть за перевал, поглазеть по сторонам – и домой!

Кит оставил своих спутников дожидаться на песчаном берегу выгрузки багажа, а сам пошел слоняться вдоль реки и набрел на старую факторию. Он не щеголял своим револьвером, хотя заметил, что очень многие, имеющие револьвер, чрезвычайно задирали нос. Дюжий рослый индеец прошел мимо Кита, согнувшись под неимоверно тяжелым тюком. Кит последовал за индейцем, восхищенный его прекрасными икрами и той грациозной легкостью, с которой он двигался, несмотря на тяжелую ношу. Индеец сбросил кладь на весы у дверей фактории, и Кит присоединился к толпе золотоискателей, одобрительно глазевших на силача; оказалось, что кладь весила сто двадцать фунтов; эта цифра благоговейно передавалась из уст в уста.

«Мне не поднять такую тяжесть, а уж не снести и подавно», – подумал Кит.

– Несешь на озеро Линдерман, дружище? – спросил он.

Индеец гордо кивнул головой.

– И сколько взял за переноску?

– Пятьдесят долларов.

Разговор оборвался. Внимание Кита привлекла девушка, стоявшая на пороге. Она была одета не так, как большинство женщин, прибывших на пароходе, – ни короткой юбки, ни спортивных брюк. Она была одета так, как обычно одеваются женщины в дороге. Кита поразила полная уместность ее среди всего окружающего, – она, казалось, была здесь необходима. Молодая, красивая. Яркое очарование ее румяного лица привлекало его, и он так пристально смотрел на нее, что она это почувствовала; темные, с длинными ресницами глаза встретились с его глазами. С его лица она перевела насмешливый взгляд на его громадный револьвер. Потом их глаза снова встретились, и Кит прочел в них презрение и насмешку. Он вздрогнул, как от удара. Девушка повернулась к мужчине, стоявшему рядом с ней, и глазами указала на Кита. Мужчина оглядел его с тем же веселым презрением.

– Чечако, – произнесла девушка.

Мужчина, одетый, как бродяга, в дешевые брюки и рваную шерстяную фуфайку, сухо усмехнулся, и Кит почувствовал себя оплеванным, хотя и не мог бы сказать почему. И все же она на редкость красива, решил Кит, глядя вслед уходящим мужчине и девушке. Какая грациозная у нее походка. Он узнает эту походку и через тысячу лет.

– Заметили этого человека с девушкой? – взволнованно спросил Кита сосед. – Знаете, кто он?

Кит покачал головой.

– Чарли Олень. Мне только что показали его. Ему здорово повезло на Клондайке. Старажился. И на Юконе пробыл лет двенадцать. Только что вернулся оттуда.

– Что значит чечако? – спросил Кит.

– Вы, например, чечако, я – чечако, – был ответ.

– Быть может, это и так, но все же мне не ясно. Что значит слово «чечако»?

– Новичок.

Кит возвращался по берегу к своим и все время повторял про себя это обидное слово. Было досадно слышать «новичок» от слабой девушки.

Пробираясь между горами тюков и вспоминая индейца с громадным грузом на спине, Кит решил испытать свою силу. Для испытания он выбрал мешок муки весом в сто фунтов. Расставив ноги, он стал над мешком, ухватил его и попытался взвалить на плечо. В первое мгновение он решил, что сто фунтов – это очень большая тяжесть; во второе – пришел к заключению, что у него слабая спина; в третье – крепко выругался. Это произошло после пяти минут бесплодных усилий, когда он оказался распростертым в изнеможении на той самой ноше, которую хотел одолеть.

Он отер пот со лба и вдруг заметил Джона Беллью, насмешливо глядевшего на него поверх груды мешков.

– Боже! – воскликнул этот апостол суровой закалки. – Наш могучий род дал слабосильных потомков. Когда мне было шестнадцать лет, такой тюк казался мне игрушкой.

– Ты забываешь, дядюшка, – огрызнулся Кит, – что я не был вскормлен медвежатиной.

– И когда мне стукнет шестьдесят, такой тюк по-прежнему останется для меня игрушкой.

– А ну-ка, покажи!

Джон Беллью показал. Ему было сорок восемь, но он нагнулся, примерился к мешку, быстрым движением взвалил его на плечи, перевернул и выпрямился.

– Сноровка, милый мальчик, сноровка и... крепкая спина.

Кит почтительно приподнял шляпу.

– Ты чудо, дядюшка, чудо из чудес. Как ты думаешь, приобрету я когда-нибудь такую сноровку?

Джон Беллью пожал плечами.

– Ты заприсишься домой, чуть мы тронемся в путь.

– Ну нет, – ответил Кит. – Дома меня ждет О'Хара, словно разъяренный лев. Я постараюсь вернуться к нему как можно позже.

III

Первый переход Кита с поклажей прошел удачно. До Финниганского брода их багаж, весивший две тысячи пятьсот фунтов, несли индейцы, которых удалось нанять. После брода им пришлось нести самим. Они рассчитали, что могут делать по миле в день. Это казалось очень легким, но только на словах. Так как Джон Беллью должен был оставаться в лагере, чтобы готовить пищу, он мог делать не более одного-двух переходов с поклажей. Таким образом, на долю каждого из троих молодых людей выпал тяжкий жребий ежедневно перетаскивать на милю вперед по восемьсот фунтов; считая, что каждый выюк весит пятьдесят фунтов, им пришлось бы ежедневно шестнадцать раз проходить милю с грузом за плечами и пятнадцать обратно порожняком.

– Пятнадцать потому, что последний раз нам не придется возвращаться за поклажей, – объяснил Кит свое приятное открытие.

При восьмидесятифунтовых тюках им предстояло бы делать девятнадцать миль ежедневно – туда и назад, а при стофунтовых только пятнадцать.

– Я не люблю ходить пешком, – заявил Кит, – и чем бегать туда и назад девятнадцать раз, предпочитаю носить по сто фунтов сразу.

Заметив недоверчивую улыбку на лице у дяди, он поспешно добавил:

– Конечно, не сразу; я буду приучаться постепенно. Для того чтобы приобрести сноровку, нужно время. Начну с пятидесяти фунтов.

Кит взял пятьдесят фунтов и всю дорогу шел весело и быстро, даже вприпрыжку. У места, назначенного для следующей стоянки, Кит сбросил тюк и налегке отправился обратно, за новой поклажей. Это вовсе не так трудно, думал он. Но две мили сбили с него самоуверенность. Следующая кладь весила шестьдесят пять фунтов. Нести оказалось уже значительно труднее, и Кит больше не подпрыгивал. По примеру всех носильщиков он часто опускался на землю и отдыхал, прислонив поклажу, висевшую на спине, к камню или пню. К третьему разу он так расхрабрился, что принял в ремни девяностофунтовый мешок с бобами и взвалил его себе на плечи. Но прошел сто шагов и почувствовал, что вот-вот свалится. Кит сел на землю и вытер лицо.

– Короткие переходы и короткие привалы, – бормотал он. – Вот в чем штука.

Порой он садился отдыхать, не сделав и сотни шагов, а груз после каждого отдыха становился заметно тяжелее. Он трудно дышал, и пот лил с него ручьями. Не пройдя и четверти мили, он сорвал с себя шерстяную фуфайку и повесил ее на дерево. Через несколько минут он далеко забросил шляпу. Пройдя полмили, Кит решил, что ему конец. Никогда в жизни он не чувствовал себя так плохо. Обессиленный, он сидел на земле, и вдруг взгляд его упал на револьвер и тяжелый патронташ, болтавшийся у пояса...

– Хлам – лишние десять фунтов, – пробурчал он злобно и отстегнул револьвер и патронташ.

Он даже не дал себе труда повесить револьвер на дерево, а просто швырнул его в кусты. Молчаливые, тяжело нагруженные путники угрюмо двигались по дороге, и Кит заметил, что другие новички тоже бросают свое оружие.

Кит стал присаживаться все чаще и чаще. Протащится кое-как сто футов, а там кровь бешено забьется в ушах, затрясутся колени – и он принужден опуститься на землю. Остановки делались все продолжительнее. А воображение лихорадочно работало. Впереди двадцать восемь миль пути, двадцать восемь томительных дней, а этот первый день, судя по всему, самая легкая часть путешествия...

– То ли еще будет, когда дойдем до Чилкута, – говорили ему его спутники во время стоянок. – Там придется карабкаться на четвереньках.

– Мне до Чилкута не дойти, – отвечал Кит. – Это не для меня. Задолго до Чилкута я упокоюсь в уютной яме, под покровом мха.

Он поскользнулся, и, чтобы удержаться на ногах, ему пришлось сделать огромное усилие. Все перевернулось у него внутри.

– Если я упаду под этой тяжестью, я уже больше не встану, – сказал Кит случайному спутнику.

– Это еще ничего, – отозвался тот. – Вот погодите, доберемся до ущелья. Нам предстоит переправиться через бурный поток по сосновому бревну длиной в шестьдесят футов. Веревок, чтобы держаться, – никаких, а волны перехлестывают через бревно и плещут по коленям. Если свалишься в воду с кладью на спине, сразу пойдешь ко дну, потому что из ремней не выпутаться.

– Ничего не имею против, – сказал Кит и в глубине души чувствовал, что говорит почти правду.

– Там гибнет по три, по четыре человека в день, – добавил рассказчик. – Как-то я помог выудить из воды одного немца. На нем нашли четыре тысячи долларов.

– Отрадно слышать, – проговорил Кит, тяжело поднимаясь на ноги и снова пускаясь в путь.

Мешок с бобами и Кит превратились в ходячую трагедию. Кит сравнивал свое положение с положением Синдбада-морехода, у которого на шее сидел старик. И это называлось «прогулкой, достойной мужчины»! Сравнительно с таким путешествием служба у О'Хара была блаженством. Снова и снова приходила ему на ум заманчивая идея: кинуть мешок с бобами в кусты, потихоньку улизнуть обратно на берег, сесть на пароход и вернуться в цивилизованный мир.

Но Кит не бросил мешка и не убежал. Где-то в глубине его души жила непоколебимая твердость. Он упрямо повторял самому себе, что все, доступное другим мужчинам, должно стать доступным и ему. Эта мысль преследовала его, как бред, и он часто заговаривал об этом со своими спутниками. Отдыхая, он с завистью смотрел на индейцев, с крепкими, как у мулов, ногами, тащивших ноши вдвое тяжелее. Без отдыха шли и шли они вперед, и Кит удивлялся их уверенности и спокойствию.

Кит сидел на земле, громко ругался – ругаться во время ходьбы у него не было сил – и боролся с соблазном удрать в Сан-Франциско. Миля, которую нужно было пройти с грузом, не

была еще пройдена, а уж его злость сменилась слезами. Это были слезы бессилия и отвращения к самому себе. Никогда еще ни один человек не чувствовал себя до такой степени побежденным. Когда последняя миля была уже на исходе, он, собрав остаток сил, кое-как дотащился до места стоянки и упал ничком с поклажей на спине. Это не убило его, но, прежде чем встать, он пятнадцать минут пролежал неподвижно, не в силах пошевелиться, не в силах расстегнуть ремни и снять с себя тяжелый мешок. У него началась рвота. В таком положении нашел его Робби, которого тоже мучила тошнота. Сознание, что Робби испытывает те же муки, что и он, придало Киту силы.

– Другие могут, – значит, можем и мы, – сказал ему Кит, хотя в глубине души его терзало сомнение, не бахвальство ли это.

IV

– Мне двадцать семь лет, и я мужчина, – много раз повторял себе Кит в течение следующих дней. Он нуждался в этом напоминании. К концу недели он научился ежедневно перетаскивать восемьсот фунтов на милю вперед, но зато потерял пятнадцать фунтов собственного веса. Щеки у него ввалились, тело и ум утратили гибкость. Он больше не шел, а тащился. Даже возвращаясь за поклажей, налегке, он еле волочил ноги.

Кит превратился во выючное животное. Он нередко засыпал во время еды, и сон у него был крепок, как у животного; иногда, впрочем, он просыпался с криком от судороги, сводившей ему ноги. Все тело болело и ныло. Ступни были покрыты пузырями, а когда путникам пришлось сделать две мили по острым камням Дайской долины, ноги Кита покрылись сплошными ранами. Эти две мили должны были стать тридцатью восемью милями. Кит умывался не чаще одного раза в день. Ногтей он не чистил: они потрескались, обросли заусенцами и были постоянно грязны. Ссадины на плечах и на груди, натертые ремнями, впервые заставили его серьезно задуматься над страданиями ломовых лошадей.

Но больше всего в первое время его мучила грубая пища. Усиленная работа требовала усиленного питания, и желудок Кита, не привыкший к огромным порциям бекона и неудобоваримых черных бобов, взбунтовался. Для Кита начались ужасные дни голодовки и болезни. Он еле держался на ногах. Наконец настала радостная пора, когда к нему вернулась способность есть; он обжирался, как дикий зверь, и не мог равнодушно смотреть на съестное.

Когда путешественники перетаскивали багаж через ущелье, планы их изменились. Пронесся слух, что в районе озера Линдерман вырублены последние деревья, годные на постройку лодок. Холл и Роберт, с инструментами, пилой, одеялами и необходимой провизией, отправились на поиски леса, поручив Киту и дяде перетаскать остальной багаж. Кит и Джон Беллью вместе стряпали и вместе, плечом к плечу, шагали, нагруженные кладью. Время шло, и вершины покрывались снегом. Быть застигнутыми зимой на этой стороне перевала – значило потерять целый год. Дядюшка нагрузил свою железную спину целой сотней фунтов. Кит пришел в уныние, но стиснул зубы и тоже взвалил себе на плечи сотню фунтов. Сначала ему было трудно и больно, но он уже приобрел сноровку, и его тело, утратившее вместе с жиром и дряблость, стало упругим и мускулистым. К тому же он наблюдал и изобретал. Он подметил, что индейцы пользуются головными ремнями, и приспособил их в помощь своим наплечным ремням. Это значительно уменьшало тяжесть и давало ему возможность пристраивать к тюку еще какой-нибудь громоздкий, но не тяжелый предмет. Таким образом, он научился нести сто фунтов на ремнях за плечами, пятнадцать или двадцать фунтов поверх основной поклажи, топор или пару весел в одной руке и несколько вложенных друг в друга кастрюль – в другой.

Но трудности все росли. Чем дальше, тем хуже становилась дорога; с каждым днем поклажа казалась тяжелее, с каждым днем снеговая линия в горах опускалась все ниже и ниже. Цены на переноску груза поднялись до шестидесяти центов за фунт. О Холле и Роберте, кото-

рые ушли вперед, чтобы свалить несколько деревьев, распилить их на доски и построить челнок, не было ни слуху ни духу. Джон Беллью стал беспокоиться.

Встретив кучку индейцев, возвращавшихся налегке с Линдермана, он подрядил их, по тридцати центов за фунт, отнести часть багажа на вершину Чилкута. Такой расход почти истощил кошелек Джона Беллью. Оставшиеся четыреста фунтов одежды и лагерных принадлежностей он решил перенести сам, а Кита отправил вперед вместе с индейцами. Было условлено, что на вершине Чилкута Кит задержится и будет понемножку перетаскивать багаж, пока его не нагонит дядюшка с поклажей в четыреста фунтов.

V

Кит вместе с индейцами медленно тащился по дороге. Так как путь предстоял длинный и трудный, Кит взвалил на себя всего восемьдесят фунтов. Индейцы едва плелись с тяжелым грузом, но все-таки они шли быстрее, чем привык ходить Кит. Но Кит не протестовал. Он теперь считал себя не менее выносливым, чем индейцы.

Пройдя четверть мили, он захотел отдохнуть, но индейцы не остановились, и Кит пошел вместе с ними. Пройдя еще четверть мили, он почувствовал, что не в состоянии сделать ни шагу более, однако он стиснул зубы и зашагал, не отставая от носильщиков. Без передышки была пройдена миля, и Кит с удивлением должен был признать, что он жив, не умер. А потом, как это ни странно, он «втянулся», и вторая миля далась ему, пожалуй, легче, чем первая. Третья миля чуть не убила Кита, но, изнемогая от усталости и боли, он не стал хныкать, а продолжал идти. И как раз в то мгновение, когда он почувствовал, что сейчас потеряет сознание, индейцы сделали привал. Вместо того чтобы отдыхать, не снимая груза, как поступали обычно белые путешественники, индейцы освободились от головных и наплечных ремней, свободно разлеглись, закурили и пустились в разговоры. Отдыхали они целых полчаса. После получасового отдыха Кит с удивлением почувствовал себя совершенно свежим, и отныне его девизом стало: «Долгие переходы и долгие остановки».

Склон Чилкута оказался именно таким, каким представлял его себе Кит по рассказам. Не раз приходилось ему карабкаться вверх на четвереньках. Но когда он в снежную выюгу добрался до вершины перевала, тайная гордость наполнила его душу; он сделал трудный переход наравне с индейцами, не отставая от них и не жалуясь. Сравняться с индейцами стало его новой мечтой.

Расплатившись с ними и отпустив их, он остался совершенно один на горном хребте, среди непроницаемой мглы, на тысячу футов выше лесной полосы. Голодный, усталый, промокший до пояса, он готов был в эту минуту отдать весь свой годовой доход за костер и чашку кофе. Однако ему пришлось удовлетвориться несколькими холодными оладьями и закутаться в брезент палатки. Он быстро уснул, но, засыпая, успел злорадно подумать, что Джон Беллью сейчас взбирается на Чилкут, таща на себе четыреста фунтов багажа. У самого Кита на попечении находилось не четыреста, а две тысячи фунтов багажа, но ему предстояло спускаться с горы, а не подниматься в гору.

Утром, измученный и замерзший, Кит вылез из-под брезента, съел фунта два сырого бекона, взвалил на плечи сто фунтов багажа и отправился вниз по тропе между скал. Тропа вела через узкий ледник к озеру Кратер. Какие-то люди шли с грузом через ледник. Целый день Кит перетаскивал свой багаж к верхнему краю ледника, и, так как расстояние было невелико, он навьючивал на себя каждый раз по полтора фунта. Такая неожиданная выносливость радостно поразила его. У встречного индейца он приобрел за два доллара три морских сухаря. Этими сухарями и сырым беконом он закусывал несколько раз в день. Грязный, продрогший, в мокрой от пота одежде, он и следующую ночь провел под холстиной палатки.

Рано утром он разостлал брезент на льду, свалил на него три четверти тонны багажа и поволок за собой. Там, где ледниковая тропа круто спускалась под уклон, самодельные сани ускорили бег. Брезент с поклажей наскочил на Кита, ударил его сзади по ногам, и Кит очутился верхом на своей поклаже. Брезент помчался вниз вместе с Китом.

Сотни тяжело нагруженных носильщиков, шагавших по льду, останавливались и провожали Кита удивленными взглядами. Кит неистово орал: «Берегись!» – и все поспешно отскакивали в сторону. Внизу, у самого края ледника, прилепилась ко льду маленькая палатка; она так быстро вырастала на его глазах, что Киту казалось, будто она бежит ему навстречу. Брезент съехал с дороги, которая круто сворачивала влево, и помчался по свежему снегу, окутанный облаком морозной пыли. Мягкий снег затормозил бешеную скорость брезента. Кит снова увидел палатку в ту самую секунду, когда из всей силы налетел на нее. Его корабль вывернул из земли деревянные колья палатки, распахнул лицевые полотнища и ворвался внутрь. Кит барахтался на брезенте среди развороченных ящиков и мешков. Палатка качалась, как пьяная, и в морозном тумане Кит оказался лицом к лицу с испуганной девушкой, кутавшейся в одеяла, – с той самой девушкой, которая назвала его в Дайе чечако.

– Хорош смок¹, а? – весело крикнул Кит.

Девушка неодобрительно смотрела на него.

– Вот вам и ковер-самолет! – продолжал Кит.

– Уберете вы когда-нибудь у меня с ног этот ваш мешок? – сердито спросила девушка.

Кит привстал.

– Это не мешок, а мой локоть. Простите.

Ничуть не смущенная такой поправкой, она была по-прежнему вызывающе холодна.

– Еще спасибо, что вы не опрокинули печку, – проговорила она.

Кит посмотрел туда, куда глядела девушка, и увидел печку из листового железа и кофейник на ней. За кофейником присматривала молодая индианка. Кит понюхал воздух и снова взглянул на девушку.

– Я чечако, – сказал он.

По выражению скуки на ее лице он понял, что она сама это знает. Но Кит не смутился.

– Свое огнестрельное оружие я бросил по дороге, – сказал он.

Тогда она узнала его, и глаза ее блеснули.

– Не думала я, что вы доберетесь так далеко, – сообщила она ему.

Кит снова жадно потянул в себя воздух.

– Я слышу запах кофе! – Он решил идти напролом. – Вот вам мой мизинец, отрежьте его; я на все готов; я буду вашим рабом целый год и один день или сколько угодно лет и дней, только налейте мне чашечку из вашего кофейника.

За чашкой кофе он назвал себя, и она сказала ему свое имя – Джой Гастелл. Кроме того, Кит узнал, что она здешняя старожилка. Она родилась в фактории на Большом Невольничьем озере: ребенком она с отцом перешла Скалистые горы и спустилась к Юкону. Теперь она снова путешествует вместе с отцом, но его неожиданно задержали в Сиэтле дела. Он оказался в числе пассажиров злосчастного «Певца», потерпевшего крушение, и сейчас находится в заливе Пьюджет, куда его доставил подобравший пассажиров пароход.

Так как девушка не вылезала из-под одеял, Кит не стал затягивать разговора и, героически отказавшись от второй чашки кофе, освободил палатку от себя и своего багажа. Он уносил с собой много разнообразных впечатлений: у нее очаровательные глаза и очаровательное имя; ей не больше двадцати – двадцати двух лет; отец ее, вероятно, француз; у нее твердая воля и пылкий характер, и воспитание она получила где угодно, но только не в здешних местах.

¹ Смок – английский спортивный термин, соответствующий русскому выражению «резаный мяч». В некоторых случаях Лондон обыгрывает также основное значение слова smoke – «курить».

VI

По обледенелым скалам, высоко над полосой леса, шла тропа, огибая озеро Кратер, и выводила к скалистому ущелью, откуда открывался прямой путь к Счастливому Лагерю и первым кривым карликовым елям. Тащить на себе груз по этой круговой дороге – значило потратить много времени и окончательно выбиться из сил. На озере стояла парусная лодка, перевозившая грузы. В какие-нибудь два часа лодка могла бы доставить Кита и его поклажу на другой берег.

Но Кит уже истратил все деньги, а перевозчик запросил по четыреста долларов за тонну.

– Твоя лодчонка, друг мой, – сказал Кит перевозчику, – золотое дно. Но я могу показать тебе и другое золотое дно.

– Покажи! – был ответ.

– Покажу, если ты перевезешь мой багаж на другой берег. Прекрасная идея, еще не запатентованная, и ты сможешь открыть предприятие сразу, чуть я объясню тебе, в чем дело. Согласен?

Перевозчик объявил, что согласен, и Кит решил, что можно довериться его обещанию.

– Отлично. Видишь ты тот ледник? Возьми кирку и за день пробей в нем желоб сверху донизу. Понял? Получится «Чилкут – Озеро Кратер. Акционерная компания перевозок кувырок». Ты можешь спускать ежедневно не меньше ста тонн, и работы никакой – знай клади деньги в карман. По пятидесяти центов с тонны каждый заплатит!

Через два часа Кит находился уже на другом берегу озера, выиграв целых три дня. Когда Джон Беллью нагнал его, он был уже очень недалеко от Глубокого озера – другой вулканической впадины, наполненной ледниковой водой.

VII

Последний переход, от Долгого озера до Линдермана, считается три мили; здесь тропа – если только это можно назвать тропой – взбирается на вершину тысячефутового хребта, сползает, извиваясь, вниз по скользким скалам и пересекает широкое болото. Джон Беллью остолбенел от удивления, увидев, как Кит взвалил себе на спину сотню фунтов, а сверху на эту сотню положил пятидесятифунтовый мешок муки.

– Ну-ка, закаленный человек! – воскликнул Кит. – Покажи, чему тебя научило медвежье мясо и одна-единственная смена белья!

Джон Беллью покачал головой.

– Я уже стар, Кристофер.

– Тебе всего только сорок восемь. Мой дед, а ваш отец, сэр, старый Исаак Беллью, одним ударом кулака убил человека, когда ему было шестьдесят девять лет.

Джон Беллью, улыбаясь, проглотил пилюлю.

– Дядюшка, мне хочется сообщить тебе важную новость. Меня воспитывали недотрогой и неженкой, но сейчас я таскаю тяжести лучше тебя, хожу лучше тебя и с легкостью уложу тебя на обе лопатки и намну бока.

Джон Беллью поднял руку и торжественно произнес:

– Кристофер, мой мальчик, я верю, что ты можешь уложить меня на обе лопатки и намять мне бока. Больше того: я уверен, что ты можешь совершить этот подвиг, даже имея сто фунтов на плечах. Ты хорошо поработал, мальчик, и добился почти невероятных успехов.

Во время последнего перехода Кит за один день проделал четыре конца взад и вперед. Иными словами, он покрыл за день двадцать четыре мили, карабкаясь по горам, причем двенадцать миль из этих двадцати четырех – со ста пятидесятью фунтами за спиной. Это сильно

утомило его, но он гордился собой и чувствовал себя прекрасно. Он ел и спал так, как раньше никогда еще не ел и не спал: и когда оказалось, что скоро конец тяжелому пути, он даже немного огорчился.

Беспокоило Кита только одно: он знал, что если споткнется и упадет с сотней фунтов за плечами, он останется в живых и поднимется на ноги; но он был уверен, что если ему случится упасть с пятидесятифунтовой прибавкой, то эта прибавка непременно свернет ему шею. Тысячами ног все тропы через болота очень быстро затаптывались, превращаясь в бездонную топь, и приходилось все время прокладывать новые. Однажды, прокладывая такую новую тропу, Кит на практике разрешил вопрос о пятидесятифунтовой надбавке.

Зыбкая, топкая поверхность колыхалась под ним; он остушился и шлепнулся в воду ничком. Пятьдесят фунтов придавили его, не сломав ему шеи. С оставшейся сотней за плечами Киту удалось подняться на четвереньки. Но встать он не мог. Левую руку снова втянуло вглубь, и щека легла в грязь, как на подушку. Кит вытянул левую руку – правая шла по плечо. Выпутаться из ремней было невозможно, а стофунтовая тяжесть мешала подняться. На четвереньках, с трудом вытаскивая из грязи то одну, то другую руку, он сделал попытку добраться до того места, куда упал его мешок с мукой. Но все усилия были напрасны: они только утомляли его, а тонкий слой травы, покрывавший трясину, прорвался под его тяжестью, и струйка взбаламученной воды стала просачиваться наружу, заливая ему нос и рот.

Тогда он попробовал перевернуться на спину, чтобы поклажа служила ему опорой, но это привело лишь к тому, что обе руки его погрузились в воду по плечи, и Кит почувствовал, что тонет. С завидным терпением он медленно вытащил обе руки из грязи, положил их плашмя на воду, чтобы опереться на них подбородком, и громко позвал на помощь. Через несколько минут раздалось хлюпанье по грязи приближавшихся сзади шагов.

– Помоги, приятель! – крикнул Кит. – Брось мне веревку.

Киту ответил женский голос, и Кит узнал этот голос.

– Если вы расстегнете мне ремни, я встану.

Сто фунтов звонко шлепнулись в грязь, и Кит медленно поднялся на ноги.

– Ну и положение! – смеялась мисс Гастелл, увидев облепленное грязью лицо Кита.

– Пустяки! – весело воскликнул Кит. – Это просто одно из моих любимых гимнастических упражнений. Советую и вам попробовать: замечательно развивает грудную клетку и позвоночник.

Он вытер лицо рукой и стряхнул с руки ком грязи.

– О, да это мистер, мистер... Смок Беллью! – воскликнула девушка, узнав Кита.

– Благодарю вас за своевременную помощь и за новое имя, – проговорил Кит. – Совершилось мое второе крещение. С этой минуты все должны называть меня Смоком Беллью. Смок – сильное и выразительное имя.

Он замолчал, а потом неожиданно скорчил злое лицо.

– Знаете, что я решил предпринять? – произнес он свирепым голосом. – Я возвращусь обратно в Штаты. Я женюсь. У меня будет большая семья, много-много детей. Как-нибудь вечером я соберу детей и расскажу им, какие страдания перенес их отец на Чилкутской дороге. И если они не зарыдают, – повторяю, если они не зарыдают, я возьму палку и вышибу из них дух!

VIII

Надвигалась полярная зима. Землю покрыл шестидюймовый слой снега, и, несмотря на жестокие ветры, маленькие озера затянулись льдом. В один из вечеров, когда буря несколько утихла, Кит вместе с дядей помог двоюродным братьям нагрузить лодку и постоял на берегу, пока лодка не исчезла в метели.

– Надо выспаться и утром пораньше в путь, – сказал Джон Беллью. – Если нас не задержит буран на перевале, завтра вечером мы будем в Дайе. А если нам посчастливится сразу попасть на пароход, еще неделя – и мы опять в Сан-Франциско.

– Ты доволен прогулкой? – рассеянно спросил Кит.

Их последний привал на озере Линдерман был печален и неуютен. Робби и Холл забрали с собой все самые необходимые вещи, включая и палатку. Потертый брезент кое-как прикрывал их от вьюги. Ужин они варили на костре, в негодных, помятых кастрюлях. Им оставили только одеяла да пищу на несколько дней.

С той минуты, как лодка отошла от берега, Кит стал рассеянным и беспокойным. Джон Беллью заметил состояние племянника, но приписал это сильному переутомлению после трудного похода. За ужином Кит только раз нарушил молчание.

– Дядюшка, – сказал он ни с того ни с сего, – пожалуйста, отныне называй меня Смок. Ведь я здорово прокоптился за дорогу.

После ужина Кит отправился в лагерь золотоискателей, занятых постройкой и снаряжением челноков. Когда через несколько часов он вернулся и залез под одеяло, Джон Беллью уже спал.

Ветреным мгlistым утром Кит вылез из-под одеяла, не обуваясь, развел огонь, согрел на огне свои промерзшие сапоги, сварил кофе и поджарил бекон. Дядюшка и племянник невкусно позавтракали на холодном ветру. Позавтракав, они сложили одеяла. Джон Беллью зашагал в сторону Чилкутской дороги, но Кит вдруг остановил его и протянул ему руку.

– До свидания, дядя, – сказал он.

Джон Беллью удивленно взглянул на племянника и выругался от удивления.

– Не забывай, дядюшка, что теперь я Смок, – внушительно проговорил Кит.

– Но что ты задумал?

Кит махнул рукой на север, в сторону бурного озера.

– Не имеет смысла возвращаться, когда зашел так далеко, – сказал Кит. – Я почуял запах мяса, и оно мне по вкусу. Я иду дальше.

– У тебя нет денег! – возразил Джон Беллью. – И никакого снаряжения.

– Я нашел работу. Кристофер Смок Беллью покажет себя. Он нашел работу. Он теперь слуга джентльмена. Сто пятьдесят долларов в месяц на всем готовом. Он отправляется в Доусон в обществе двух джентльменов и еще одного слуги – отправляется в качестве повара, лодочника и чего угодно. А О'Хара со своей «Волной» может убираться к дьяволу! До свидания!

Пораженный Джон Беллью слабо пробормотал:

– Ничего не понимаю!

– Говорят, в бассейне Юкона немало медведей! – объяснил Кит. – У меня всего только одна смена белья, и мне хочется отведать медвежатины. Прощайте!

Мясо

I

Дул сильный порывистый ветер, когда Смок Беллью, с трудом преодолевая его, вышел на берег. В предрассветных сумерках дюжину лодок нагружали драгоценным багажом, который удалось перенести через Чилкут. Это были неуклюжие самодельные челноки, неумело сколоченные из только что срубленного сырого дерева. Одна лодка, уже нагруженная, отходила от берега, и Кит остановился поглядеть.

Ветер, попутный в открытом озере, здесь дул прямо в берег, подымая волны на мелководье. Отъезжающие хлюпали по воде высокими непромокаемыми сапогами, изо всех сил стараясь вытолкнуть свою лодку на глубокое место. Два раза это не удавалось. Дважды они влезали в лодку и пытались грести, но оба раза их снова относило к берегу и сажало на мель. Кит заметил, что брызги на бортах лодки быстро превращаются в лед. Третья попытка была более удачна. Лодку вытащили на такую глубину, что людям пришлось идти по пояс в воде. С трудом поднимая тяжелые весла, гребцы начали медленно удаляться от берега. Затем они поставили парус из одеял, но ветер сорвал его, и лодку в третий раз вынесло на замерзающий берег.

Кит усмехнулся и пошел дальше. Ему тоже предстояло сразиться с ветром и с бурей. В своей новой роли слуги он должен был через несколько часов отчалить в лодке от этого самого места.

Все работали, работали изо всех сил, потому что быстро наступала зима и нужно было перебраться через цепь озер, прежде чем они покроются льдом. Однако, войдя в палатку мистера Спрага и Стайна, Кит не обнаружил никаких приготовлений к отплытию.

У огня, под защитой брезента, покуривая самокрутку из оберточной бумаги, сидел, подбрав под себя ноги, маленький толстенький человечек.

– Добрый день! – сказал он. – Вы новый слуга мистера Спрага?

Кит заметил, что толстяк слегка подмигнул ему и слова «мистер» и «слуга» произнес многозначительно. Кит кивнул головой.

– А я слуга доктора Стайна, – объявил коротенький человечек. – Во мне пять футов два дюйма росту, и зовут меня Малыш. Джек Малыш. А иногда меня называют Джонни-на-все-руки.

Кит поздоровался с ним.

– Вскормлены медвежьим мясом? – осведомился Кит.

– Конечно, – ответил Джек, – но первой моей пищей было молоко буйволиц, насколько я помню. Присаживайтесь и закусите. Хозяева еще дрыхнут.

Несмотря на то что Кит уже позавтракал, он с большим удовольствием позавтракал вторично. Изнуренный многонедельным трудом, Кит приобрел желудок и аппетит волка. Он мог есть что угодно, сколько угодно и знать не знал, что такое несварение желудка. Малыш оказался говорливым пессимистом. Он дал хозяевам очень нелестную характеристику и сделал несколько мрачных предсказаний насчет экспедиции. Томас Стэнли Спраг был молодой горный инженер и сын миллионера. Доктор Адольф Стайн тоже сын богача. Благодаря своим отцам они получили от одного синдиката субсидию для изыскательских работ на Клондайке.

– Оба они набиты деньгами, – говорил Малыш. – Когда они прибыли в Дайю, цена за переноску багажа поднялась до семидесяти центов, но не было ни одного индейца. В это время на берегу находились приезжие из Восточного Орегона, настоящие рудокопы, и им удалось подрядить несколько индейцев по семьдесят центов за фунт. Индейцы уже нагрузились поклажей – три тысячи фунтов, – когда прибыли Спраг и Стайн. Они предложили индейцам восемь-

десять центов, потом девяносто, а когда дошло до доллара за фунт, индейцы отказали рудокопам и нанялись к Спрагу и Стайну. И вот Спраг и Стайн уже на озерах, хотя это и обошлось им в три тысячи долларов, а орегонские рудокопы все еще сидят на берегу. И просидят до будущего года! Да, наши хозяева – мастера сорить деньгами, а на других людей им наплевать. Знаешь, что они выкинули здесь, на Линдермане? Плотники как раз кончали лодку для приезжих из Сан-Франциско – за шестьсот долларов. Спраг и Стайн отвалили плотникам тысячу, и те, не долго думая, расторгли сделку. Лодка отличная, но каково этим молодцам из Сан-Франциско? Остались со своим багажом, и ни с места. Застрали до будущего года. Выпей еще чашечку кофе и поверь мне на слово, что я ни за что не связался бы с этими кровопийцами, если бы меня не тянуло в Клондайк! Скверные люди. Ради своих делишек они готовы мертвого ограбить. А ты подписал контракт?

Кит покачал головой.

– Ну, тогда мне тебя жаль, дружище. В этих краях голод, и они бросят тебя на произвол судьбы, как только мы доберемся до Доусона. Зимой здесь много людей погибнет от голода...

– Но мы сговорились... – начал Кит.

– На словах! – оборвал Малыш. – А слова для них ничего не стоят: ты им одно, а они тебе другое. Ну да ладно! Как тебя зовут, друг?

– Зови меня Смок, – сказал Кит.

– Закабалят они тебя с твоим словесным контрактом, друг Смок. Деньгами сорить они умеют, но работать не любят, все утро валяются в постелях. Давно уже пора отправляться в дорогу, а они все еще дрыхнут. Отдуться придется нам с тобой. Вот сейчас они проснутся и сразу подадут голос – потребуют кофе в постель. Слыханное ли дело, чтобы взрослым мужчинам подавали кофе в постель? Ты умеешь грести или править? На суше я ковбой и золотоискатель, а вот на воде – ничего не умею. Хозяева тоже не смыслят в лодках. А ты?

– Где там, – сказал Кит. Новый порыв ветра осыпал его хлопьями снега, и он плотно прижался к брезенту. – Катался на лодке, когда был мальчишкой. Но мы научимся.

Ветер приподнял край брезента, и Малышу за шиворот насыпалась целая горсть снега.

– Мы-то научимся, – сердито проворчал Малыш. – Конечно, научимся. Тут и ребенок научится. Но держу пари, что сегодня мы не тронемся в путь.

В восемь часов из палатки потребовали кофе, а в девять хозяева встали.

– Эге! – сказал Спраг, краснощекий, откормленный малый лет двадцати пяти. – Пора собираться, Малыш. Вы и... – Он бросил вопросительный взгляд на Кита. – Простите, я вчера не совсем разобрал ваше имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.